

На правах рукописи

Коротченко Юлия Михайловна

**ВАЛЮАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Симферополь 2018

Диссертационная работа выполнена на кафедре философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии (СП) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Научный консультант: **Николко Владимир Николаевич**
доктор философских наук, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Официальные оппоненты: **Василькова Валерия Валентиновна**
доктор философских наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Сергодеева Елена Александровна
доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
Агапова Елена Анатольевна
доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Ведущая организация: ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор социальной философии

Защита состоится «30» мая 2019 г. в 11.00. часов на заседании Диссертационного совета Д 900.006.08 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» по адресу: 603000, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, зал заседаний ученого совета (к. 301) по адресу: 295007, г. Симферополь, ул.Ялтинская, д.20.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 900.006.08,
кандидат философских наук

О.А. Шапиро

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В наши дни специфическим объектом рефлексии, позволяющим реализовать обобщающую и вместе с тем критическую интенцию социальной философии, становится социальный смысл. Именно он составляет ядро социального как такового, а механизм формирования, актуализации и реконструкции социального в этой связи должен быть изучен как механизм коллективной интерпретации. Включение в сферу рефлексии объектов, имеющих интерпретационную природу, в целом вписывается в общую интенцию современного социального знания. Необходимость сдвига социальных исследований в сторону проблематики интерпретации общественной реальности осознавалась классиками обществознания, исследовавшими вопросы понимания социальных действий и сути социальной солидарности. В более поздний период эта исследовательская интенция вырастает в раскрытие особой роли процессов осмысления, восприятия и интерпретации социального мира. Она востребована в процессе стратификации общества, понимаемого как совокупность формирующих социальный капитал коллективных субъектов, а также в ходе социальных трансформаций в значимые периоды (избирательные кампании, необходимость противостоять агрессивным внешним вызовам и т.п.). Данное обстоятельство составляет теоретический аспект актуальности темы диссертационного исследования.

Вместе с тем, ситуация, в которой оказалась сегодня Россия, актуализировала практические проблемы организации военного строительства в условиях ускоренно глобализирующегося мира и угрозы информационных войн. Военно-техническое преимущество над противником возможно только при условии адекватной интерпретации его в качестве противника. Прежде чем будут атакованы войска, должны быть атакованы – развенчаны и объявлены преступниками – герои противника; должно возникнуть «интерпретационное смятение», должна разрушиться способность видеть главное, перспективное, эвристичное для своей группы. Герой может быть побежден только героем, совокупность коллективно разделяемых смыслов – только совокупностью других смыслов, также разделяемых коллективно, военная техника перед этим бессильна. Разрушение коллективных смыслов противника, рождающих у него храбрость, отчаянную защиту группы, презрение к собственной смерти и безжалостность к врагам, – фактор, качественно значимый для победы, без которого только техническое и численное преимущество не работают. То, что представлено героями и врагами, своеобразная дуга, защищающая коллективный субъект на внутренних и внешних границах, с позиций современной парадигмы социальных исследований погружается в контекст интерпретационной активности сознания. Демонтаж этой дуги вкупе с другими коллективно разделяемыми оценочными смыслами в технологии информационной войны более значим, чем аргументы жесткой силы. Таким

образом, главный удар по противнику наносится в центр его интерпретационной активности. Побеждает сегодня тот, кто побеждает в войне интерпретаций. Вызов же интерпретационной войны требует адекватных интерпретационных ответов. Эти ответы вырабатываются в особом разделе коллективного сознания – интерпретационном. Активность коллективного сознания по выработке таких ответов (интерпретационная активность) включается в предметную область данного исследования, сфокусированного на интерпретационном разделе коллективного сознания, и в этом состоит один из практических, социально-значимых, аспектов актуальности темы исследования.

Важным аспектом актуальности темы настоящего исследования, также обеспечивающим ее социальную значимость, является обострившаяся необходимость управления большими группами людей в состоянии хаоса, толпы, военных мероприятий, достижения важнейших для этих групп целей. В целях достижения эффективности такого управления нужна своеобразная интерпретационная картография общества. Если мы увидим, как большие группы интерпретационно организованных людей занимают заметные части территории ойкумены, то полезной окажется интерпретационная карта мира. Это позволит избежать глобализационных иллюзий, возникающих вследствие игнорирования фактора многообразия коллективных субъектов, по-своему интерпретирующих мир и самих себя. Иными словами, модернизация социального знания в валюативно-интерпретационной оптике может оказаться плодотворной, полезной и эффективной и со стороны управления, и в аспекте достижения общественного согласия.

Актуализация интерпретационной проблематики в социальном знании осуществлялась первоначально в русле признаваемой и сегодня в теоретических и фундаментальных исследованиях общества методологической дихотомии между индивидуализмом понимающей социологии М. Вебера и коллективистским холизмом Э. Дюркгейма. Как возможно выйти за границы этого классического противопоставления? Диссертант видит выход в границах современной социальной философии, обладающей достаточным генерализирующим потенциалом, чтобы преодолеть и эмпиризм частных исследований, и спекулятивность прежней социальной философии, пронизанной историцизмом. Настоящее исследование является попыткой преодоления вышеупомянутой дихотомии посредством анализа реализуемых коллективным субъектом механизмов понимания и производства смыслов, и в этом усматривается теоретико-методологический аспект темы исследования.

Понятие социальных смыслов широко употребляется в фундаментальной социологии, культурологии, политологии и ряде дисциплин, возникших в результате методологической легитимации междисциплинарного подхода (психолингвистика, социоллингвистика, политическая лингвистика и т.п.). При этом значение слова «смысл» не всегда аналитически прояснено. В диссертационном исследовании предпринимается попытка выработать приемы

анализа социального смысла как целого путем выделения в нем значимых фрагментов. Какие фрагменты выделены диссертантом?

Во-первых, это *ценности*, которые составляют значительную часть смыслового единства, давая представление о необходимом и предпочтительном для коллективного субъекта в некоторых данных условиях. Но образуют ли ценности единственный тип смыслов, к которому могут быть редуцированы любые другие социальные интерпретации? В этом состоит еще один аспект актуальности темы диссертационного исследования. Он связан с темой панаксиологического экстремизма, экспансивных попыток навязывания априорных ценностных установок. Какой должна быть методология, способная осуществить критику панаксиологизма, изживающего себя в постклассической теоретической аксиологии, но, тем не менее, широко присутствующего в актуальном аксиологическом дискурсе, претендующем на общегосударственный и даже более широкий – континентальный, масштаб? Аксиологическая интерпретация социального не является и не может быть всеохватывающей. Например, общества с одинаковыми ценностями (такими, как семья, Родина) могут воевать, следовательно, есть нечто такое в интерпретационной активности коллективного сознания, что наравне с ценностями имеет мотивационный потенциал и что требует такого же рефлексивного подхода, что и аксиология. И это – предмет особого рассмотрения в диссертации.

Во-вторых, помимо ценностей, определенный тип социальных смыслов формирует *идеология*, которая дает существенную информацию о социальных интересах коллективного субъекта, его мировоззрении и идеалах.

В-третьих, важными являются признанные прецеденты *героического* – они говорят об образцах социального поведения. Соответственно, не менее значимы образы *враждебного* как эталоны неприемлемого и опасного для социальной общности.

В-четвертых, понимание границ дозволенного, закрепленного в *нормах*, также занимает свою зону в интерпретационной деятельности коллективного субъекта.

Коллективный социальный субъект, или социальная общность, формируется вокруг такого бриколажного по форме, но органического по сути единства смысловых частей: ценностей, идеологии, героев/врагов и норм. В деятельности коллективных субъектов эти смыслы не даны непосредственно и тем более – систематически. Что же тогда репрезентирует это единство? Каковы средства, привлекаемые коллективным субъектом для манифестации самого себя как адепта этой смысловой целокупности? В диссертации роль такого средства отводится особому рода *тексту*. Диссертант подчеркивает, что современные представления о социальном и рефлексивный арсенал философской аналитики позволяют исследовать механизмы коллективной интерпретации на основании исследования текста в обычном значении – как

совокупности содержательно связанных предложений, или в узком – как отдельное высказывание. В диссертации рассматриваются вопросы о том, что это за текст, кто его создает, с какой целью он привносится в общественную жизнь, кто его адресат.

Отмечается, что у такого текста явным или имплицитным автором является некоторый коллективный субъект, а адресатом – общественность. Это не значит, что иных объектов социальной аналитики не существует. Диссертант настаивает лишь на том, что смысл может быть извлечен, понят, высказан только исходя из текста и только посредством языка. В связи с этим, социально значимые фрагменты некоторого совокупного, бриколажного по форме социального смысла, репрезентирующего коллективный субъект, в самом общем виде – это то, о чем пишется такого рода текст, язык которого, в свою очередь, должен быть маркирован именами, отсылающими нас к вышеперечисленным фрагментам социального смысла. Их список открыт, но без любого из тех его элементов, которые выделены в диссертации, репрезентация коллективного субъекта существенно не полна. Важной является идея единства выделенных зон осмысления: исследование каждого из фрагментов этого бриколажа дает представление только об этом фрагменте, изучение же их в виде целостности позволяет моделировать социальные общности в их интерпретационной активности – деятельности по производству, приданию и трансляции смыслов элементам социального мира.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска ответов на вопросы, порождаемые современной парадигмой социально-философского знания, которую уместно назвать интерпретационной: как возможно в современной социальной философии аналитически ясно говорить о смысле социального как такового; как может быть преодолена классическая дихотомия индивидуалистского понимания социального действия и коллективистского подхода к изучению общества; какова специфика и социальная функция текста как средства манифестации коллективным субъектом самого себя в обществе; являются ли субстанциально поняты ценности единственным типом смыслов, конституирующим социальный субъект; что представляет собой коллективный субъект как носитель смыслов относительно социальной реальности; чем угрожают обществу интерпретационные конфликты; наконец, какие типы социальных смыслов репрезентируют коллективный субъект в существенных его проявлениях и каковы средства этой репрезентации.

В настоящем исследовании предлагается концепция, отвечающая на эти вопросы. Смысловая целостность, обеспечивающая адаптивность коллективного субъекта к внешним вызовам, центрирующая интерпретационную активность коллективного субъекта и эксплицируемая из текстов от имени коллективного субъекта, в диссертации получает название валюатива и задается следующими идентификационными показателями: персонифицирующая дуга (герои, мученики, враги); нормы; ценности; формы

репрезентации (язык, художественное творчество, идеология). Идентификационные показатели валюатива – это типы смыслов, своеобразные смысловые ячейки, по которым распределено коллективное сознание, с позиций валюативного похода понимаемое как совокупность совпадающих результатов осмысления фрагментов социальной реальности. Коллективный субъект (социальная общность) предстает тогда как объединение людей с общими героями, мучениками, жертвующими собой за сохранение этой общности, врагами, от которых необходимо защищать общность, нормами, ценностями и т.д.

Валюатив рассматривается в настоящей работе и как продукт интерпретационной активности коллективного субъекта, и как условие ее дальнейшего осуществления. Будучи набором изначально пустых смысловых ячеек, примененным в анализе конкретной социальной общности, он становится моделью интерпретационного центра коллективного сознания, понимаемого как совокупность общих смыслов у индивидов, формирующих эту общность. Сама эта модель может быть центрирована на любом из своих элементах, и таким образом опровергается субстанциальная трактовка каждого из элементов валюатива.

Валюативное моделирование позволяет эксплицитно представить социальную общность со стороны определяющих ее единство смыслов, что, в свою очередь, дает возможность прогнозировать поведение коллективного субъекта, адекватно оценивать перспективы достижения согласия или риски конфликта в коммуникации с ним. Метод валюативного анализа эффективен в изучении процессов как конструирования новых, так и демонтажа имеющихся социальных общностей. Эти две социальные практики в современном мире непосредственно не разделимы во времени, значения составляющих валюативного бриколажа не просто отрицаются, они заменяются другими: прежние герои становятся врагами, и наоборот; идеология, нормы, ценности как ячейки не пустуют, а интерпретируются в иные социальные объекты. Общность начинается в своем становлении с валюатива и разрушается вместе с его распадом.

Степень научной разработанности темы исследования. Тайна долговечности, единства, стойкости, успешности в достижении целей отдельных социальных объединений всегда интересовала философов. Прделана масштабная аналитическая работа по выяснению сущности отдельных форм интерпретационной активности коллективного сознания. Так сложилось, что исследование интерпретационной активности коллективного сознания свелось почти всецело к исследованию оценочных каркасов интерпретационных центров разных сообществ. Проблематика ценностей затмевает другие, не менее важные, а в некоторых случаях – основные интерпретационные действия, такие, как понимание, задание горизонтов осмысления и т.п. В результате возник осязаемый крен - объяснение всего, что совершается в интерпретационном поле, содержанием ценностей. Лишь

отдельные исследователи тяготеют к панаксиологизму, однако противопоставить ему что-то сравнимое с ним по масштабности решаемых задач не берутся. В связи с этим, одной из задач данного исследования является построение наряду с ценностной иными моделями интерпретационной активности коллективного сознания, например, героцентристских валлоативных построений. Ценности – это одна, и не всегда основная, составляющая интерпретационной активности, оказавшаяся, однако, на поверхности исследовательского интереса. На достаточно долгом пути к постижению их сущности и важности для человечества велись дискуссии об их природе, создавались списки ценностей, возникали классификации, иерархические схемы, системы ценностей, сложился аксиологический подход, предлагающий все видеть как обладающее некой ценностью, интерпретирующий любые различия или сходства как различия или сходства ценностей, рассматривающий общественное развитие как трансформации систем ценностей, а переходные периоды – как ситуации, в которых «старая система ценностей разрушилась, а новая не сложилась».

Общая картина доваллоативного анализа интерпретационного раздела коллективного сознания такова: закончилось исследование частных, получены компоненты, трактуемые как детерминированные ценностным содержанием. И чем большим становится доминирование аксиологизма в выяснении сущности интерпретационного начала, тем безнадежнее выглядит ситуация: система ценностей, какой бы сложной она ни была, не заменяет собой системы понятий, к которым пытались свести ценности классические аксиологи. Однако понятия также являются ресурсным активом интерпретатора, присутствуя в сознании независимо от аксиологического контекста. Это автономное от ценностей присутствие в сознании интерпретатора понятий, к которым редуцируются ценности наряду с приданием ценностям доминирующего статуса в границах самой аксиологии, создает предпосылки критического отношения к панаксиологизму.

В вопросе об определении ценности классические теории можно подразделить на две группы. Во-первых, это исследования авторов, определяющих понятия ценности через внеценностные, понятия: удовольствия (Л. Деринг, Г. Корнелиус, Т. Липпс, В. Шуппе); интереса (И. фон Визер, Дж. Дьюи, Р. Пери); желаний (Х. фон Эренфельс, Т. Рибо, А. Фуйе); блага (Ф. Кирхнер). Во-вторых, это концепции, определяющие ценности как самодостаточную категорию с собственной онтологией (М. Шелер, Н. Гартман, Г. Риккерт).

Постклассическое изучение ценностей сводится к развитию отдельных классических идей или к попыткам синтезировать наметившиеся в классический период позиции. Новейшие исследования ценностей в значительной степени носят прикладной характер и нацелены на экстраполяцию ценностных понятий на предметные области дисциплин, ранее обходившихся без них – логики, методологии науки, эпистемологии.

Встречаются исследования о ценностном характере научного знания (Ильин В.В., Кара-Мурза С.Г., Лэйси Х., Микешина Л.А., Супрун Н.Г.). Вопросы политических и экономических реформ, особо актуальные для постсоветского пространства, также оказываются в поле аксиологических интерпретаций (Бакиров В.С., Данилова М.И., Герасимчук В.А., Ермоленко А.Н., Курбангалеева Е.Ш., Рябов А.В., Сидоренко Л.М., Попович М.В.). В то же время наиболее часто упоминаемым симптомом кризисных процессов в обществе переходного периода, сколь долго бы он ни длился, является отсутствие новой системы ценностей – единой для общества в целом (Меркотан Е.Ф., Морозова Л.П., Радченко О.В., Таран В.О., Шайгородский Ю.Ж.).

Параллельно, наряду с исследованиями, лежащими в плоскости панаксиологизма, развивается и альтернативный подход, «мягкая» версия которого ограничивает сферу ценностного областью смыслов – приписанных вещам извне, но все же «нужных» человечеству (Л. Витгенштейн), а наиболее «жесткая» говорит об их принципиальной избыточности наряду с другими метафизическими понятиями (Р. Карнап). Осторожность в вопросах границ аксиологического высказывают и сами аксиологи. О необходимости пересмотра таких границ во избежание размывания предмета аксиологии настойчиво говорит, в частности, В.К. Шохин.

Среди исследователей других составляющих валюатива отметим В. Альберта, П. Ансара, Р. Арона, И. Бариора, Д. Белла, Р. Будона, Э. Винера, Р. Гароди, И. Горовитца, Л. Колаковского, Д. Кротто, К. Мангейма, Х. Ларрейна, О. Лемберга, А. Лефевра, Л. Парейсона У. Липмана, К. Поппера, Т. Роззака, Дж. Б. Томпсона, Э. Топича, Э. Фишера, Ф. Фукуямы, Ф. Хайека, С. Хантингтона, У. Хойнса и др., разрабатывавших вопросы идеологии; Л.М. Абросимову, Н. Д. Арутюнову, С.С. Безрукова, Р.С. Джинджолия, Д. Джоанна, Е.М. Вольф, Е.Н. Калкину, Дж. Каренини, В.М. Косович, Е.Ф. Косяченко, Д.А. Ланина, Е.Е. Ланину, Дж. Л. Лемке, С.Е. Лима, Е.А. Макшанцеву, Л.А. Машир, Н.Н. Миронову, Е.В. Полякову, Ю.С. Старостину, О.А. Шпякину, А.А. Щипицыну, проанализировавших структуру высказываний, содержащих оценочные маркеры; Е. К. Мелетинского, Ф. Ницше, М. М. Бахтина, А.Ф. Лосева, А.Б. Софян, А. де Лазари, С.Г. Кара-Мурзу, изучавших концепты, отсылающие к персонификаторам валюатива.

В итоге все элементы содержания интерпретационного раздела так или иначе оказались представленными в исследованиях. Но в диссертации отмечается, что, если элементы валюатива изучать сами по себе, вне его контекста, то исследования можно считать почти завершенными. Существуют, правда, версии генерализаций исследований компонентов интерпретационного центра, однако, в подавляющем большинстве они относятся к изучению отдельных общностей – этносов, рас, а также локальных общностей, трактуемых как региональные идентичности с преобладанием историко-культурологического или политического контекстов. О важности рассмотрения социальных общностей с точки зрения некоторых инвариантных признаков,

образующих любые общности, но специфицирующихся в каждом отдельном случае, говорилось также в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, А. Тойнби, П. Бурдьё, С. Хантингтона, Н. Данилевского, П. Сорокина, О. Шпенглера и др. В этой группе исследований основным объектом анализа являются признаки содержания интерпретационного отдела коллективного сознания, обеспечивающие некую масштабную, исторически складывающуюся и достаточно долговечную, общность людей. Так, Н.Я. Данилевский предлагает противопоставить системы культурно-исторических характеристик, формирующих культурно-исторические типы общностей. Среди таких характеристик он отмечает язык, религию, культуру, политику, экономику. О. Шпенглер в качестве конститuent различающихся культурных общностей выделил уникальность внутренне присущего общности темпа жизни, образцов художественной культуры и исторической судьбы. П. Сорокин говорит о доминирующих ценностях, образующих различные культурные общности. Системы общих языковых, культурных, традиционных и религиозных характеристик положены в основу цивилизационных общностей С. Хантингтоном. Среди признаков социальной общности или поведения образующих ее индивидов оказываются: предпочтения коллективного сознания (Э. Дюркгейм), мотивы социального действия (М. Вебер), интегративные нормы сообщества (Т. Парсонс), типичные ответы на вызовы внешней среды (А. Тойнби), система оценивающих схем, структурирующих социальное поведение (П. Бурдьё).

Имеют место также исследования коллективных представлений самих по себе, среди них выделим работу М.Ю. Морозовой, посвященную анализу коллективных верований как целостной системы коллективных смыслов, разделяемой большими группами людей. Это близко к предмету диссертации, однако, сам термин «верования» неизбежно отсылает к религиозному контексту, подчеркнутому погружением концепции М. Морозовой в реконструированную ею теорию становления коллективного верования С. Булгакова. М.Ю. Морозова выделяет в структуре коллективного верования две подсистемы – мировоззренческую и эмотивно-волевою, при этом первая включает в себя аксиологический компонент и социомодель при явной гегемонии первого. Второй элемент наполнен исключительно оценочными образами добра и зла. В тени осталась интерпретационная функция коллективного представления, возникающая из самой природы подобного рода конструктов. Диссертационное исследование выводит анализ оснований единства общности на уровень их интерпретационной сущности. Ценности, нормы, герои, враги и т.п. предстают на этом уровне как результаты специфической активности коллективного сознания по приписыванию изначально нейтральным объектам социальной жизни ярлыков «ценно», «нормально», «герой», «враг» и т.д.

Среди современных авторов отметим также Е.В. Морозову, разработавшую концепцию региональной политической культуры на основе трактовки регионализма как комплекса природно-климатических,

аксиологических, исторических, социокультурных, социально-экономических и политических аспектов.

Причем исследователи общностей, сформированных на некоторой общей основе, рассматривают или предельно большие по масштабу сообщества, такие как цивилизации, или менее масштабные коллективные субъекты, такие как региональные. Кроме того, такая основа фигурирует, большей частью, в предварительных замечаниях автора, затем же исследование превращается в историографическое описание жизни таких крупных сообществ. Данное диссертационное исследование конкретизируется, сужая «воронку» для выделения предмета до особой – центральной – компоненты интерпретационного отдела коллективного сознания, которая получила название **валюатива**. От понимания сущности валюатива диссертант приходит к определениям сообществ как валюативно организованных независимо от их масштаба, но детерминированных общностью интерпретаций социального мира. В этом смысле можно говорить о варианте реинтерпретации классического наследия – мы высвобождаем базовые идеи об основаниях единства общностей от идеализаций, актуальных для классического периода в социальном знании, и получаем эвристически мощную интенцию для поиска интерпретационного центра объединения людей. Выделенные ранее нормы, ценности, герои, формы художественного творчества, консолидирующие людей, представляют собой в концепции диссертанта отдельные результаты интерпретационной деятельности коллективного сознания. Среди исследований оснований исторически складывающихся коллективных субъектов выделим работу А.В. Смирнова «Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре». А.В. Смирнов под коллективным когнитивным бессознательным (ККБ) понимает интуиции, лежащие в основании системы ценностей, картины мира и систем нормативного характера. В диссертационном исследовании принимаются во внимание такие допущения, содержащиеся в основаниях конституирования коллективным субъектом самого себя, но оно сосредотачивается на таких типах социальных смыслов, которые могут формировать собственно социальный субъект и – одновременно – могут быть эксплицитно представлены в виде некоторого бриколажа результатов осмысления этим субъектом общественной реальности. При этом отследить, указать факт присутствия, проанализировать эти результаты обоснованно возможно лишь апеллируя к языку, на котором говорит коллективный субъект и на котором создаются и адресуются общественности тексты от имени субъекта коллективного сознания, в тексте интерпретирующего социальное, транслирующего и навязывающего в определенном отношении свою интерпретацию сообществу. Реальность, описанная в таком тексте, – неизбежно субъектно обременена. Она заполнена героями, врагами, преступлениями, подвигами, благим и отторгаемым – всем, что так или иначе поименовано в качестве ячеек валюативной матрицы. Коллективные когнитивные интуиции, смыслы, интерпретации своеобразно «разливаются» по этим ячейкам. Понятие интерпретации является в этой связи

для нас важным: валюативные способы интерпретации социального формируют социальных субъектов. Эти субъекты созданы обществом и реконструируют его в себе, иницируют непримиримую вражду внутри социума или трансформируют себя в целях достижения согласия с Другим. Они устойчивы к внешним вызовам или разрушаются под валюативным натиском извне. Автор полагает, что валюативная трактовка оснований единства общности позволяет говорить о коллективном сознании как о собственном термине социальной философии, более емком, чем термин «групповое сознание» в социальной психологии или социологии.

Объектом настоящего исследования является коллективное сознание, рассматриваемое как общая часть индивидуальных сознаний, наполненная совпадающими чувствами, убеждениями, оценками и другими результатами интерпретационной активности, обеспечивающими единство и устойчивость к внешним вызовам объединений людей.

Предметом исследования являются опорные пункты интерпретационного раздела коллективного сознания, их основные центрации и модельные образования.

Цель исследования состоит в построении моделей интерпретационного раздела коллективного сознания, первоначально в форме валюатива, а затем – как отдельных валюативных модификаций. Среди основных задач оказываются:

- проанализировать имеющийся в социальном знании опыт изучения процессов осмысления социальной реальности;
- создание общей концепции валюатива;
- характеристика структурных компонентов валюативной модельной матрицы;
- исследование концепта сверхчеловека с точки зрения валюативной методологии и реконструкция на валюативной методологической основе героцентристской модели валюатива;
- выявление оснований и границ панаксиологической модели.

Методология исследования. Данное исследование реализуется в той парадигме социального знания, которую уместно назвать интерпретационной. В философии есть две традиции, апеллирующие к интерпретационным практикам и понятию интерпретации как таковой, – это герменевтика и аналитика. Оставаясь в своих границах, эти традиции создают целостное видение интерпретационной составляющей социального. В данном исследовании сохраняется герменевтическая интенция рассмотрения общества как интерпретирующего себя коллективного субъекта. Это дает возможность рассмотреть валюатив как средство трансформации объектов социальной реальности в объекты проинтерпретированные, срастающиеся со своими

валюативными именами, существующие в особом мире – мире, созданном интерпретацией, а в терминах диссертационного исследования – валюативом. Одновременно проясняется статус валюативной интерпретации в понимании современных социальных процессов и явлений. Однако исследование, осуществленное диссертантом, в целом принадлежит традиции аналитической, позволяющей в эксплицитной форме детализировать механизмы интерпретации, описывать язык интерпретации, прогнозировать возможные практики конструирования высказываний на этом языке, задавать модели интерпретационной активности, демифологизируя ее «продукты», которые классически рассматривались отдельно от их интерпретационной природы. В таком русле выстроен предлагаемый в исследовании метод валюативного анализа, заключающийся в построении матрицы, характеристической для структуры интерпретационного раздела коллективного сознания, в ее наиболее общих элементах. Сами же эти элементы в качестве репрезентативных наиболее общих социальных смыслов удается аналитически обнаружить в текстах и отдельных высказываниях от лица коллективного субъекта и в адрес некоторой социальной общности. Таким образом, предлагаемый метод валюативного анализа существенно расширяет возможности философской аналитики в отношении социальной реальности: если герменевтика прочитывает социальную жизнь как текст, то аналитика обращается к тексту в собственном смысле этого слова и «вычитывает» из него социально-значимые смыслы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции социального действия М. Вебера, общественной солидарности Э. Дюркгейма, социетального общества Т. Парсонса, социального капитала П. Бурдьё, смыслов социальной жизни Дж. Александера. Обращение к вышеуказанным теориям позволило корректно выделить собственный предмет, рассмотреть возможности уточнения и обобщения известных концептов, смежных с терминами, описывающими предметную область исследования. Кроме того, анализ фундаментально-социологических исследований позволил определить специфику социально-философского знания как генерализирующего социологические представления об обществе.

Современное социальное исследование не может не быть междисциплинарным. В частности, в диссертации обобщаются результаты логических, лингвистических, антропологических, правоведческих, политологических, культурологических разысканий в отношении языка и текста, аксиологических и нормативных систем, художественного творчества, идеологии. Это, в свою очередь, позволило создать целостный междисциплинарный образ предмета исследования, в чем также усматривается специфика современной социально-философской рефлексии.

Терминологический каркас исследования состоит из следующих компонентов: коллективное сознание – интерпретационный раздел коллективного сознания – валюатив – валюативная матрица –

персонифицирующая дуга валюатива – интерпретационный слоган – модель валюатива.

Вспомогательным является матричный метод в данной работе. Кроме того, были применены теоретико-модельный, системно-структурный, компаративистский подходы. При анализе конкретных составляющих предметной области исследования применялись семиотический подход, метод формализации; использовался категориальный аппарат частных по отношению к философии дисциплин, таких, как лингвистика, культурология, политология и др.

Научная новизна полученных результатов состоит в формировании концепции валюативного анализа интерпретационного раздела коллективного сознания, существенно обобщающей полученные в частных социальных дисциплинах результаты исследования коллективного сознания и помещающей исследование механизмов порождения социальных смыслов в социально-философский контекст. Она выражается в следующих положениях:

1. Выделен новый объект в структуре интерпретационной активности сознания, названный валюативом и представляющий собой коллажную целостность, упорядоченно задаваемую в виде валюативной матрицы – четверке элементов: <персонификаторы: {герои, мученики, враги}; нормы; ценности; формы репрезентации: {язык, художественное творчество, идеология}>. Коллажность валюатива обусловлена разнообразием результатов интерпретационной активности коллективного субъекта, которые, будучи собранными в целое, составляют интерпретационный центр социальной общности. Данная матрица, в применении к анализу сообществ любого масштаба, обнаруживает характеристические свойства интерпретационной активности данного сообщества, без учета которых исследование этой активности сознания сообщества является фрагментарным, существенно неполным и относится к изучению не самой интерпретационной активности сообщества, а к взятым изолированно строчкам валюативной матрицы.
2. Авторским является открытие основных композиционных единиц валюатива: валюативной матрицы, персонифицирующей дуги и валюативного слогана, героцентристской и панаксиологической моделей валюатива. Они образуют категориальный каркас валюативного контекста исследования коллективного сознания.
3. Эксплицирована интерпретационная природа составляющих валюатив элементов и самого валюатива: в структуре интерпретационного процесса они являются своеобразными ярлыками, «приклеиваемыми» ко вневалюативным объектам так, что эти объекты отождествляются, после «приклеивания», со своими ярлыками. Доказано, что соответствие валюативных ярлыков вневалюативным объектам определяется матрицей конкретного валюатива некоторого коллективного субъекта и

может нарушаться в валюативах других коллективных субъектов. Это обстоятельство делает валюатив формой, нейтральной в отношении норм, ценностей и других его составляющих до тех пор, пока валюативная матрица не окажется примененной к конкретному сообществу.

4. Выявлены функции валюатива: упорядочивания материала интерпретационного раздела сознания, его структурализации и взаимной интеграции; центрирования жизни сообщества; дифференциации социума на «территории валюативов»; наконец, собственно интерпретационная, реализующаяся в том, что валюатив, являясь интерпретационным центром коллективного сознания, задает смыслы, границы и перспективы социальной интерпретации элементов окружения социальных субъектов. Валюатив – закономерная составляющая устойчивого сообщества: разрушение сообщества всегда сопряжено со слабостью его валюатива;
5. Определена структура языка валюатива как самого распространенного средства его репрезентации. Язык валюатива представляет собой субъязык естественного языка и может быть задан систематически на базе национального языка. Осуществлено построение такого субъязыка на русскоязычной основе. В словарь валюативного языка включаются: валюативные модальности, пробегающие по всем элементам валюативной матрицы и по классу выражений естественного языка, составленному из нормативных, аксиологических, оценочных и этических операторов с их обычными для естественного языка значениями – как корневыми, так и деривационными. Данный словарь обладает также операциями по образованию или модификации таких модальностей. При этом исследованы не только аксиологические или деонтические модальности: в валюативном языке мы имеем дело с разновидностями внутри более богатого класса модальностей, включающего все многообразие валюативных характеристик. Даны определения истинности и общезначимости валюативного высказывания как соотносимых с валюативной матрицей. Истинность валюативного высказывания определяется как выполнимость хотя бы в одной строчке валюативной матрицы, а общезначимость – как выполнимость во всех ее строчках. Структура валюативного высказывания задана как пара $|v; f|$, где v – элемент словаря валюативного языка, а f – невалюативного. Экспликация такой структуры позволяет диагностировать валюативность сообщений, в которых присутствует «валюативный интерес», определяющий их основную смысловую интенцию, «вычитываемую» из связи структурных элементов валюативного высказывания. Раскрыта социальная функция текстов, написанных на валюативном языке, состоящая в конструировании коллективных интерпретаций и дифференциации общества на коллективные субъекты, сформированные специфическими валюативами.

6. Обосновано внутреннее моделирование валюатива, продемонстрированы прецеденты такого моделирования. Показаны возможности и границы двух валюативных моделей – неперсонифицированной панаксиологической и героцентристской. Получило валюативную интерпретацию учение Ницше о сверхчеловеке, представленное в настоящей работе как героцентристская модель валюатива, дающая персонифицированный образец валюативного поведения. Осуществлена критика панаксиологической модели как неправомерно расширяющей полномочия ценностной составляющей валюатива и основывающейся на метафизической трактовке природы ценностей.

Основные положения, выносимые на защиту

В настоящей работе предложен метод исследования интерпретационной активности коллективного сознания – метод валюативного анализа. На защиту выносятся следующие положения:

1. Современная социальная философия обогащает свою предметную область, включая в нее интерпретационные процессы как обладающие значительным трансформационным потенциалом. Это процессы, которые порождают, закрепляют, транслируют смыслы элементов социальной жизни. Интерпретация событий, поступков, высказываний осуществляется как особая активность социального субъекта. Системное изменение смысла важнейших для общества событий, интерпретация которых уже была осуществлена, легитимирована и закреплена в сознании коллективных социальных субъектов, трансформирует территорию социального, расчерчивая ее на зоны, занимаемые новыми коллективными субъектами. Рождение новых интерпретаций способно удерживать согласие в социуме или расшатывать его конфликтами, возникающими между коллективными субъектами интерпретаций на почве антагонистических смысловых различий.
2. Включение проблематики смысла в социальные исследования было инициировано представителями фундаментальной теоретической социологии. Концепт «смысл» или явно используется в качестве базового, или вводятся термины, отсылающие к практикам производства смысла, его сохранения и трансляции. При этом решаются методологические проблемы самой социологии, подчеркивается необходимость для социологии понимания смысла социального действия, анализа смысловых оснований конкретных форм солидарности, характерных для отдельных социальных групп практик восприятия и дешифровки социального, собственно смыслов социальной жизни как совокупности кодов, влияющих на нее в ходе отдельных событий. В каждом случае подчеркивается, что истолкование социальной общностью общественной реальности существенно влияет на то, какой эта реальность оказывается в

результате ее отдельных истолкований. Исследование же смысла социального, механизмов его порождения, социальной значимости процессов осмысления самих по себе осуществимо на том уровне генерализации, который допустим современной социальной философией. Он достигается на основе анализа публично транслируемых текстов, адресатами и адресантами которых являются коллективные субъекты. Анализ этих текстов эксплицирует интерпретационную специфику адресанта. При этом социально-философское знание вырастает из фундаментально-социологических исследований, опираясь на предельно общую часть их содержания. Социально-философское знание становится синтезом собственно философской и фундаментально-социологической составляющей социальных исследований как таковых.

3. Анализ текста от имени коллективного субъекта (носителя коллективного сознания, социальной общности) позволяет выделить типы смыслов, по которым распределяется интерпретационная активность этого субъекта, которые, в своей совокупности, центрируют эту активность. Разрушение этого центра равносильно распаду общности. Такой центр мы называем валюативом, а исследование текста на предмет обнаружения в нем фрагментов этого центра, – валюативным. Валюативный анализ выделяет следующие типы смыслов, идентифицирующие социальную общность как субъекта коллективного сознания в его интерпретационной активности: персонифицирующая дуга (герои, мученики, враги), нормы, ценности, формы функционирования валюатива (язык, художественное творчество, идеология). Валюативно-текстовый анализ является средством выявления существенных характеристик заполняющих социум коллективных субъектов.
4. В связи с имплицитным и несистематическим характером проявлений интерпретационной активности социальных субъектов необходима упорядоченная репрезентация ее существенных и значимых для общества продуктов. Технологически валюативный метод исследования интерпретационного раздела коллективного сознания состоит в построении валюативной матрицы, элементами которой являются выделенные типы валюативных смыслов. Валюативная матрица дополняется интерпретационным слоганом валюатива. Такой слоган есть концентрат смыслов, производимых, хранимых и транслируемых коллективным субъектом. «Интерпретационный слоган валюатива» – одна из категорий валюативного анализа, наряду с валюативом, валюативной матрицей сообщества, персонифицирующей дугой, маркированной героями, мучениками и врагами.
5. Каждая из строчек валюативной матрицы самостоятельна и никогда не бывает полностью сводима к другим. Существует при этом

возможность центрировать все содержание валюатива на каком-то выбранном его фрагменте. Результатом такой центрации будет фиксированная валюативная модель. Валюативное исследование приобретает алгоритмическую направленность – начинается с объекта (коллективное сознание), предмета (центрации и отдельные модели интерпретационной активности коллективного сознания), затем касается валюативной матрицы сообщества и, наконец, выходит в зону внутреннего валюативного моделирования.

6. В рамках валюативной методологии все модельные построения валюатива равноценны в том смысле, что они принадлежат сфере смыслов и интерпретации. Игнорирование этого обстоятельства создает риски экспансии со стороны какой-то одной подструктуры валюатива, навязывания тенденциозно тоталитарной, намеренно сужаемой валюативно-интерпретационной оптики, приводящей, как показывает исторический опыт, к разрушению общности изнутри или извне.

Теоретическая значимость исследования. Полученные результаты позволяют производить комплексное исследование интерпретационной активности коллективного сознания, выявлять характеристические особенности объединений людей любой степени общности. Данное исследование уточняет представления о природе интерпретационных процессов, осуществляемых коллективным сознанием, а также о возможностях репрезентации продуктов активности коллективного сознания.

Практическая значимость исследования. На основании проведенного исследования оказывается возможным эффективно конструировать или модифицировать модели активности коллективного сознания с целью повышения адаптивности сообществ любого масштаба. Основные идеи и категориальный аппарат работы могут быть использованы при разработке основных и элективных курсов по философии, социологии, культурологии, политологии, семиотике.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на объединенном заседании кафедр философии социально-гуманитарного профиля, социологии, политических наук и международных отношений.

Основные результаты работы нашли отражение в 28 публикациях диссертанта, среди которых 17 статей, опубликованных в изданиях, рекомендуемых ВАК.

Результаты исследования апробировались на конференциях: Таврические Чтения «Анахарсис» (Песчаное, 2007 г., 2008 г., 2011 г, 2014; Береговое, 2012 г; Рыбачье, 2013 г; пос. Новый Свет, 2015г., 2016 г., 2018г.), Международная мультидисциплинарная телеконференция «На пути к интегрированному пониманию идентичности пользователя в киберпространстве Интернета:

мультидисциплинарный диалог» (Варшава, Симферополь, Лодзь, Лейпциг, 2013 г.), Алешинские Чтения 1(Москва, 2015 г., г. Москва, 2016 г.. (совместно с Рыскельдиевой Л.Т.)), VII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (Москва, 2016 г.), Международный конгресс «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете» (Астрахань, 2017), Международная телеконференция «Методические проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в техническом университете – вызовы XXI века» (Москва, Уфа, Душанбе, Симферополь, 2017 г.).

Часть положений, представленных в диссертации, в период 2016 – 2017 гг. разрабатывалась в рамках проекта а16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации», поддержанного РФФИ (РГНФ).

Концепция и основные результаты исследования апробированы в период 2014 – 2017 гг. в ходе преподавания спецкурса «Теоретические основания валюативного моделирования социальных процессов» на философском факультете ТА (СП) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» в рамках основной образовательной программы для бакалавриата по направлению подготовки по ФГОС ВО 47.03.01. Философия.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка терминов и библиографии, содержащей 423 наименования. Общий объем диссертации составляет 309 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В разделе **1. «Анализ интерпретационной компоненты активности социального субъекта в социально-философском знании XX века»** рассмотрены концепции, каждая из которых относится либо к валюативному целому, либо к какому-то одному или нескольким его аспектам, открывает новые стороны предмета исследования – валюатива как модели интерпретационной активности социального сознания, эксплицирует важные составляющие валюатива, обнаруживает его функции, приближая, таким образом, к более полному его видению. Каждая из рассмотренных концепций предлагает свою модель интерпретационной активности общего сознания.

В подразделе **1.1. «Типы смысловой мотивации действия в модели понимания социальных процессов М. Вебера»** приводятся основные положения теории социального действия М.Вебера. Утверждается, что выделенные немецким социологом четыре типа действия – целерациональное,

ценностнорациональное, аффективное и традиционное, позволяют говорить не только о типологически разных способах мотивирования социального действия, но и о типах обществ с доминированием того или иного мотива действий входящих в них индивидов. Типы мотивации центрированы разными типами смыслов, и на их основе можно строить модели валюативов. Так, отчетливо просматриваются аффективная и ценностная центрированность соответственно героцентристской и аксиологической моделей валюатива, о которых в диссертационном исследовании речь идет в четвертом разделе. На основе типологии социальных действий Макса Вебера диссертант приходит к обобщенному понятию валюативного действия как действия, мотивированного аффектами, традициями и ценностями – если оставаться в рамках подхода немецкого социолога, и мотивами, связанными с другими строчками валюативной матрицы, если оставаться в рамках валюативной методологии.

В подразделе **1.2. «Модели солидарного сознания в концепции Э. Дюркгейма»** анализируются общества с точки зрения двух типов общего сознания – механически и органически солидарного. В первом случае речь идет о коллективном сознании, как его трактовал Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда», в узком смысле. Это исторически первый, примитивный, тип солидарного сознания, характеризующий традиционные общества с нормативной доминантой в уголовном карающем праве. Солидарность второго типа, которая также называется у Дюркгейма корпоративной, относится к прогрессивному, с позиции Дюркгейма, обществу, дифференцированному, прежде всего, по принципу общественного разделения труда. В этом подразделе показывается, что то, что обнаруживает общее для обеих форм социальной солидарности содержание, может образовывать валюативные модели интерпретационной активности сознания сообществ, хотя и с разной центрацией.

В подразделе **1.3. «Социетальное сообщество: интегративная модель социальной системы в теории Т. Парсонса»** отмечается, что Т. Парсонс среди разнообразных социальных конструкций искал интегрирующее все элементы социальной жизни ядро. Это интегративное ядро Парсонс называет социетальным сообществом. Социетальное сообщество Парсонса, фактически, представляет собой некоторый легитимизирующий механизм или совокупность норм разной частной природы, формирующих «социетальный нормативный порядок». Этот сегмент социальной жизни оказывается центрированным нормативно-правовым образом. Диссертант приводит важнейший вывод, к которому приходит Парсонс. Он заключается в том, что социум нуждается в целостности, которую, в свою очередь, обеспечивает некое интегрирующее все его структуры ядро, позволяющее интерпретировать социальную реальность как соответствующую или не соответствующую идеалу нормативного порядка.

Подраздел **1.4 «Габитус как структурирующая модель социальных практик и представлений в концепции П. Бурдьё»** содержит анализ концепта габитуса как близкого валюативу. Отмечается, что с помощью этого

концепта, так же, как и посредством термина «валюатив», можно определять смысловой центр сообществ, благодаря которому объединенные в них индивиды интерпретируют мир вокруг них сходным образом. Бурдьё выделил важные функции, роднящие габитус с валюативом: функции освоения социального мира, осмысления и оценивания внешнего сообществу мира, территориализации (дифференциации) социального пространства.

Подраздел **1.5 «Осмысление социальной реальности в «сильной программе культурсоциологии» Дж. Александера»** завершает исследование социальных теорий, предлагавших свои модели интерпретационной активности коллективного сознания. Дж. Александером была выделена такая важная функция интерпретационного центра сообщества, как управление процессами осмысления. Это управление проходит, посредством построения кодов, символизации и конструирования дискурсов, через три уровня социальных ресурсов: цели, нормы и ценности. Отмечается, что Александер не строит развернутой модели, но на примере, в частности, известных практик создания политических скандалов показывает, какие исключительно интерпретационные трансформации претерпевает один и тот же реальный факт, воплощая разные цели, нормы и ценности – вплоть до противоречащих друг другу.

Основной вывод, к которому приводит анализ имеющихся в социальном знании моделей интерпретационной активности коллективного сознания, состоит в следующем. Каждый из авторов, так или иначе, дал представление о какой-то, главной с точки зрения его модели, функции такого центра. Поскольку валюатив – более общая модель, чем исследованные выше, его функции в социуме – шире, чем в каждой из проанализированных выше моделей, взятых по отдельности. Диссертант подчеркивает важность синтеза имеющихся результатов, полученных на более частном предмете исследования.

Второй раздел **«Валюатив: опыт структурного определения»** раскрывает содержание отдельных составляющих валюатива с точки зрения их функций в его структуре. Так, в подразделе **2.1 «Валюатив как коллажная целостность»** задается собственно валюативная матрица как упорядоченная четверка <персонификаторы, нормы, ценности, формы репрезентации>, дополненная интерпретационным слоганом валюатива. Подчеркивается специфика определений в сфере социального познания, связанная с особенностью социальных объектов. Такие определения не преследуют цель дать объективную характеристику определяемого, их задача состоит в волеизъявлении субъекта, дающего определение, для организации социальной жизни. Так происходит и с валюативом: объективная его часть представлена социальными реалиями, но валюативы территориализуют социальное пространство на своеобразные зоны валюативного покрытия. Чем более дифференцированным оказывается социум валюативно, тем сложнее и разнообразнее протекают в нем интерпретационные процессы. Можно говорить о валюативной карте общества, изображающей мир в валюативном многообразии. Выделяются основные свойства валюатива: быть коллажной

целостностью и содержать компоненты такие, что каждая из них стремится покрыть все поле оценивания, будучи на самом деле функциональной в своих подструктурных границах. Эти характеристики позволяют говорить о социальных функциях валюатива, важнейшей из которых является интерпретационная, проявляющаяся в том, что валюатив становится центром, вырабатывающим критерии, границы и перспективы осмысления социальной реальности в коллективном сознании. Именно ведущая интерпретационная роль валюатива обеспечивает выполнение этой структурой прочих социальных функций. Так, второй из выделенных является мотивационная функция: валюатив способен составлять мотив социального действия, преимущественно ценностнорационального, аффективного и традиционного, которые в настоящем исследовании объединены в общий класс валюативных социальных действий. Далее раскрываются организующая по отношению к социальным объединениям и интегрирующая социальные структуры функции. Подчеркивается, что валюативы способны организовывать антагонистические объединения, в валюативных матрицах которых одни и те же фрагменты социальной реальности трактуются противоположным образом. Отмечается в этой связи разрушительный потенциал борьбы валюативов масштабных объединений на примере современной Украины. Подраздел **2.2 «Структурное описание валюативной матрицы»** раскрывает содержание отдельных элементов валюатива в их коллажном единстве, т.е., в конечном счете, как специфических форм интерпретации внутри некоего интерпретационного центра.

Так, герои, мученики и враги определяются в пункте **2.2.1. «Персонализаторы валюатива: герои, мученики, враги»** как маркеры персонализирующей дуги валюатива – его «витрины», с выставленными на ней персонами с биографиями, подвигами, жертвенностью, а также угрозами – уже с внешней стороны. Героям отводится роль лидеров, стоящих у истоков валюатива; они способны поставить под знамя с начертанным на нем валюативным слоганом массы людей, они овеяны славой добытых побед над врагами и мезтью за мучеников. Враги, не меньше, чем герои, своеобразно поддерживают жизнь валюатива. Они, будучи изначально виновными во всем, что случается с сообществом плохого, также стоят у истоков формирования валюатива, в особенности, жестко центрированных, непримиримых к Другому, отождествляемому с фигурой врага. Нормы охарактеризованы как определители границ дозволенного валюативом и как частные случаи оценочной интерпретации – в терминах разрешений, запретов, наказаний и поощрений, – регулирующие жизнь валюатива с позиции его сохранения.

В пункте **2.2.2. «Нормативная регламентация валюатива»** на основе анализа понятия нормы, закрепленного в естественном языке, деонтической логике, а также на основании исследования учения о праве Г. Кельзена выявлены особенности нормативного. Подчеркивается его исторический и субъективно-волевой характер, специфика объекта оценки на нормативность. Указывается на то, что нормативные модальности онтологически в валюативе

интерпретируются на область его сохранения/разрушения. Прецеденты нормативно различающихся валюативов любых масштабов, трансформации правовых систем, смена традиционных представлений о морали могут создать иллюзию абсолютной конвенциональности нормы – как правовой, так и, например, моральной, но не законодательной. Сугубо конвенциональная трактовка нормы и должного в целом, в свою очередь, приводит к выхолащиванию объектной части в отношении норма/объект правовой оценки, во избежание чего диссертант придерживается такой трактовки нормативности, при которой нормативно оцениваемое действительно несет в себе характеристики, сообщающие ему разрушительный или охраняющий потенциал для общности, и в зависимости от этого данное действие оценивается как позвольтельное или запретное в некотором данном валюативе. Диссертант подчеркивает, что при этом речь идет о связке «действие (объект оценки)/норма», но не об установлении факта совершения действия.

Ценности пункте **2.2.3. «Ценности в валюативной матрице»** трактуются в соответствии с данным в первом подразделе второго раздела определением как отдельные необходимости, предметно категоризируемые субъектом S и используемые им в целях, потребностях, функциях, жизнедеятельности S как приписанное содержание мира в терминах предпочтения – продукт интерпретационной активности. Согласно этой позиции, ценность – не единственное и не всегда главное хранилище смыслов и мотивов поведения. В этом же подразделе эксплицировано валюативное содержание идеологии как системы высказываний, имеющей целью обосновать собственную правоту и правильность, а также несомненные достоинства по сравнению с другими валюативами.

В пункте **2.2.4. «Валюативное содержание идеологии»** на основании анализа идеологического высказывания обосновано положение о том, что инвариантно относительно адекватности и неадекватности его дескриптивной части доминирующей будет валюативная. Общественности адресуется связка валюативно-идеологического содержания с фактическим, а не фактическое содержание само по себе. Прослеживается общая структура идеологических высказываний: она включает валюативную – доминирующую, и дескриптивную части. Последняя может быть полностью вырожденной, может содержать ложную информацию, может быть, а может и не быть проверяемой в момент сообщения, однако, не это, а валюативность определяет суть идеологической коммуникации. Показано, что наблюдаемая неизбежная фрагментарность исследования идеологического дискурса возникает из частно-описательного исследования этого феномена в рамках отдельных социальных дисциплин и может быть преодолена посредством погружения его текстов в более общий – социально-философский контекст изучения. Валюативно проанализированная идеология становится социокультурным объектом, репрезентирующим коллективный социальный субъект, социальную общность. Такая генерализация позволяет, в свою очередь, выйти в сферу критического

социально-философского рассмотрения идеологии – философски рефлексивного и потому не оценивающего идеологию как-то иначе, чем как идеологию вообще – систему взглядов, всегда ориентированную на социальные интересы ее адептов.

В третьем разделе **«Интерпретационное содержание коллективного сознания в валюативном контексте»** определено центральное место валюатива среди фрагментов интерпретационных процессов, выделена функция валюатива быть базой интерпретационного процесса, ориентиром для интерпретационных процессов во всем их многообразии. Раскрывается валюативная функция языка как средства репрезентации социальной общности в тексте, написанном на языке, содержащем валюативные маркеры. Подраздел **3.1 «Общая характеристика интерпретационных процессов»** характеризует позицию автора в отношении к интерпретации. Определяется социальная значимость интерпретационных процессов, их общая структура, а также их принадлежность сознанию. Так, в структуре интерпретации выделяются: а) объект или объекты – то, на что нацелена активность сознания; б) субъект, обладающий сознанием, в котором заложена способность к интерпретации; в) средства интерпретации – характеристики, ярлыки, смыслы, оценки, приписываемые субъектом объектам интерпретации и «хранящиеся», разрабатываемые, контролируемые, предлагаемые, навязываемые, задаваемые особыми структурами: множествами истинностных значений, кодексами, толковыми словарями, шкалами оценок, традициями, культурами, ритуалами; г) наконец, правила – явные, сформулированные именно как правила, или предполагаемые, привычные и негласные соответствия между объектами и средствами интерпретации. В валюативной интерпретации социальной реальности объектом становится социальная реальность, ее структуры, люди, их объединения, поступки, высказывания и т.п.; субъектом – любой носитель коллективного сознания (одинаковых или сводимых к одинаковым мыслей, чувств, убеждений, представлений); средствами интерпретации – имена строк валюативной матрицы; правилами интерпретации – прописанные в нормативных документах или признанных коллективным сознанием авторитетными текстах, или негласные, закрепленные в традиции правила установления соответствия между фрагментами социальной реальности и именами строчек валюативной матрицы. Подраздел **3.2 «Интерпретация социального в языке валюатива»** раскрывает валюативный потенциал естественного языка, в котором выделяется особый субязык, на котором «говорит» валюатив. Так, словарь Rus_v валюативного языка может быть экстрагирован из русского языка. Он включает следующие элементы:

1. имена строчек валюативной матрицы: «герой», «враг», «мученик», «норма», «ценность», «идеология»;

2. нормативные, оценочные, аксиологические и этические операторы: «запрещено», «разрешено», «преступление», «подвиг», «плохо», «хорошо»,

«позитивно», «негативно», «оптимально», «эффективно», «благо», «добро», «зло», «нравственно», «безнравственно», «правильно», «неправильно», «идеологически верно», «идеологически неверно» и их возможные синонимы;

3. операции использования отрицательных частиц, а также аффиксации с префиксами и суффиксами, сообщающими дополнительные валюативные градации корневым элементам слова: отрицательные префиксы, суффиксы степеней прилагательных, отрицательные частицы;

4. операция ударения с функцией ударения выделять отдельно взятый фрагмент высказывания как особо значимый;

5. операция написания особым шрифтом фрагментов высказывания, имеющих ту или иную валюативную значимость;

6. технические знаки: знаки пунктуации (вопросительный знак может выражать сомнение в принадлежности валюативу, восклицательный – эмоциональную наполненность, равнодушие и т.д.).

Подчеркивается при этом, что пп. 1, 2 задают класс валюативных модальностей более широкий, чем классы деонтических или аксиологических модальных операторов, к которым, как к оценочным, в языковедческих или логических исследованиях обычно сводятся модальности социальной интерпретации. Выделение собственного языка валюатива позволяет корректно решать вопрос о структуре, а, значит, о распознавании и конструировании валюативного высказывания. Такая структура определяется как двойственная, включающая фрагмент словаря валюативного языка, добавленный к выражению, описывающему вневалюативную реальность. В подразделе **3.3. «Истинностные значения валюативных высказываний»** решается проблема валюативной истинности и ложности. Выявленная структура валюативного высказывания позволяет определить специфику истинности валюативных высказываний как выполнимости по крайней мере, в одной строчке валюативной матрицы. Можно говорить о валюативной общезначимости как о выполнимости во всех строчках такой матрицы. С этой точки зрения ясно, что истинность или ложность валюативного высказывания определяется не адекватностью фактической его составляющей, а «правильным» или «неправильным» приписыванием этой составляющей валюативных характеристик. Субъективность валюативной интерпретации проявляется особенно полно, когда речь идет о заведомо ложных сообщениях в структуре валюативного текста. Их специфика состоит, прежде всего, в том, что заранее предполагается «правдивость» высказываний, выполняющих строчки валюативной матрицы. «Обманывать» могут лишь необщезначимые в валюативной матрице высказывания, если они не выполняют какие-то строчки этой матрицы. Но в этом случае, в случае ложности, они и не принадлежат валюативу. В этом смысле внутри валюатива нет обмана: валюатив «не даст

соврать». Но валюатив может основываться на утверждениях непроверяемого характера, заведомо ложных, опровергаемых научно, эмпирически, исторически и т.п. Валюатив, следовательно, может быть ложным, он может обмануть, он может быть опасным в этих своих качествах. Таким образом, валюатив, в особенности, если он несет в себе тенденцию к тоталитаризму, нуждается в обосновании с точки зрения науки, простого опыта, независимой правовой экспертизы извне, и первый шаг в такой диагностике, подчеркивается в данном подразделе, состоит в экспликации структуры валюативного высказывания.

В подразделе **3.4. «Валюативно-текстовые репрезентации социального»** дается анализ отдельных валюативных текстов. Конкретизируются существенные признаки такого рода текстов: перечисляются выявленные в ходе валюативного анализа маркеры языка этих текстов; указываются адресанты; выявляются социальные интересы адресантов; эксплицируется валюативная матрица адресантов проанализированных валюативных текстов. Так, получила экспликацию валюативная матрица политической партии современной Украины «Правый сектор» (запрещена в России). На основании валюативного анализа текста программы этой партии обосновываются вывод о том, что под своеобразной «вуалью», сотканной из валюативных модальных операторов, скрыто то, что 1) может быть соотнесено с реальностью только как прямая ложь, 2) не может быть проверено в настоящем, так как является высказыванием о неопределенном в сроках будущем; 3) не выдерживает логической экспертизы на предмет последовательности, правильности определений и т.п. Подчеркивается, что валюативный покров в данном случае скрывает политический реваншизм, нарушение прав лиц, не являющихся этническими украинцами.

В целом, третий раздел раскрывает интерпретационную природу характеристик, приписываемых коллективным сознанием социальным объектам. Такое приписывание получило название интерпретационной активности коллективного сознания и описывается в данной работе как валюативно мотивированное.

Четвертый раздел **«Две модели валюатива: героцентристская и ценностная»** раскрывает возможности внутреннего моделирования интерпретационной активности коллективного сознания. Конструируются две модели валюатива – героцентристская и ценностная. Так, в подразделе **4.1. «Герой как центр валюативной модели»** эксплицируется собственное содержание героя (это тот, кто превосходит других, чье превосходство признается другими, кто приводит к победе, совершая подвиги, кто является великим провокатором на борьбу и т.д.) и его валюативный потенциал. В пункте **4.1.1 «Контексты героического в социально-гуманитарном знании»** анализируется античная трактовка героического по прецедентному образу Ахилла и его интерпретация А.Ф. Лосевым; исследуется вклад М.М. Бахтина в развитие представлений о герое, приобретающем свои черты в некотором

тексте. Отмечается, что важнейшие характеристики героического, в чувственно-образной, поэтической форме репрезентированные мифами и эпосом, Бахтиным были эксплицированы в качестве особенностей героя литературного произведения. Но даже с учетом такого конкретизирующего сужения эта экспликация оказалась чрезвычайно эффективной: была отрефлексирована роль героя, центрирующая все осмысленное содержание мира на самого героя. Литературоведческие и более широкие – эстетические границы изначально сделали исследовательские задачи, решаемые в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», более частными, чем это предполагает потенциал самого концепта «герой». Эта частная позиция оправдана с точки зрения исторических отличий традиционных героев от героев рефлексующих, способных к ломке традиции и созданию сообществ вокруг себя и избранной ими идеи. Однако валюативная канва у них одна и та же, и именно это совпадение проливает свет на смыслы героического, скрытые в тени частных отличий.

В пункте **4.1.2. «Валюативное содержание концепта «сверхчеловек»** конструируется валюатив сверхчеловека на материале текстов Ф. Ницше. Это поиск не просто нового объединения людей, но сообщества, не мыслимого без своего Героя, делающего героями своих приверженцев. Рассмотрены трактовки концепта сверхчеловека в работах С. Франка, В. Соловьева, А. Белого, Т. Манна и М. Хайдеггера. Из проанализированных текстов этих авторов видно, сколько интерпретационной свободы дает Ницше своему читателю. Персонифицированная этика любви к дальнему у Франка; преодолевший бессмертие венец духовной эволюции у Соловьева; ликующее чудовище – носитель внеморальной культуры у Манна; учащий вождей исполнять историческую миссию своего народа и переходящий через мост от ressentiment к подлинной человеческой сущности у Хайдеггера – эти определения существенно дополняются предлагаемым в настоящем исследовании ответом на вопрос «О чем говорил Заратустра?» Ницше не устраивало «теперь», он бился в поисках того, что должно прийти на смену этому настоящему, в поисках моста, по которому Заратустра переведет летящее в бездну человечество с его «теперешними» представлениями о жизни. Валюативный фокус видения философии Ницше открывает возможность особой трактовки концепта сверхчеловека: именно этот концепт центрирует все творчество немецкого философа. «Учение о власти», «учение о морали», «учение о религии», «эстетические взгляды» и т.д. организованы вокруг одной персоны – носителя ценностей, норм, идеала для героев, творящего новую культуру, искусство и идеологию, создающего новый язык. Ницше действительно имел тайну, и это тайна спасения падающей Европы. Но он никогда, в отличие от Хайдеггера, не говорил, что спасение Европы – в исполнении немцами своей исторической миссии, т.е., фактически, в нацистской разновидности фашизма; его не занимали дальние связи сами по себе, как этот видел Франк, равно как и не занимало преодоление бессмертия человека, на чем акцентировал внимание Соловьев или перестанет ли человек

быть человеком и как этому сопротивляться, как это увидел Белый. Он спасал Европу, он знал, как спасти и рассказал об этом от имени Заратустры. Но этот ответ оказался масштабнее. Он говорил о том, как спасти человечество и, главное, кто способен это сделать. Подчеркивается, что Ницше дал методологию такого спасения. В терминологии диссертанта это методология построения валюатива сверхчеловека.

Теоретическое значение валюатива сверхчеловека, построенного на базе соответствующей ницшеанской концепции, состоит в демонстрации вариативности внутреннего валюативного моделирования. В данном отношении в пункте **4.1.2.** показано, что может быть валюатив, центрированный не на ценности как таковой. При этом раскрывается практическая важность и злободневность идей немецкого философа, одна из программных работ которого имеет подзаголовок «Прелюдия к философии будущего». Его голос был обращен не к современникам, но – теперь уже навсегда – к потомкам: философия Ницше исполнена духом критики современности. И в этом смысле учение немецкого философа актуально для страны, с 1991 года активно занимающейся «переоценкой всех ценностей», переписывающей законы, меняющей героев, разрушающей памятники, пытающейся создать новые – или найти в своей прерывистой истории – воплощенные, а не абстрактные, образцы ценного, героического, достойного запоминания для того, чтобы выстроить свое настоящее и будущее только по лучшим примерам того, как надо жить, думать и чувствовать, защищать свой мир, умирать за него, если придется.

В подразделе **4.2. «Ценностная модель валюатива»** раскрывается суть панаксиологизма и конструируется валюатив религиозного сообщества на материале социологии религии М. Вебера. В пункте **4.2.1. «Панаксиологические теории ценностей»** на основе анализа трактовки М. Шелером ценностей как наделенных собственной онтологией, целиком детерминирующей судьбу человека, метафизики М. Хайдеггера в той ее части, где немецкий философ говорит об изначальной ценностной наполненности мира, а также исследования российских аксиологов В.В. Багдасаряна и С.С. Сулакшина дается определение панаксиологической модели валюатива. Это такой способ валюативного моделирования интерпретационной активности социального сознания, при котором все составляющие валюативной матрицы определяются через ценности валюатива так, как если бы они не имели автономного от ценности содержания. Выделяется, таким образом, тенденция к онтологизации ценностного, которая неизбежно приводит к центрированию валюатива на ценностной составляющей, к построению жесткой, не допускающей сосуществования с Другим интерпретационной модели. В онтологизации ценностного, снимающей вопрос об определении ценности, потому что она может быть определена только через саму себя, диссертант усматривает источник аксиологической экспансии. Среди них – нетерпимость и к иным способам интерпретационного моделирования, и к моделям, центрированным на содержательно иных ценностных установках. Диссертант

обращает внимание на то, что такого ранжирования, такой иерархизации мира, удваивающей мир на выполняющий условия главной ценности или противоречащий ей, как это происходит в панаксиологической модели валюатива, больше не встретить нигде. Настоящая валюативная зрелость, замыкающая субъекта внутри валюатива и не дающая ему даже возможности выхода из него, наиболее эффективно достигается здесь – в панаксиологической модели валюатива, наделяющей ценности собственной автономной природой. Обосновывается, что абстрактно-аксиологическая установка, сводимая, в конечном счете, к тезису «Ценно, потому что ценно», превращается в навязывание ценностей, что, как показывает отечественная история, скорее, является вредным для общества, чем способствующим его оздоровлению. Никакие меры по «внедрению» ценностей не будут эффективными, если ценности не будут обоснованными с точки зрения опыта, другой наблюдаемой реальности, актуальных условий и если это обоснование не выдержит проверку на логическую корректность. Спекулятивные теории ценностей, в которых ценности самодостаточны, субстанциальны и не должны объясняться посредством выхода в эмпирию, конкретизируются затем в пропагандистских, но при этом все же абстрактных, рассуждениях. Онтологизировать ценность означает наделить сущее, имеющее физическую природу и, следовательно, сущность, другой, рядом или выше стоящей сущностью с ее отличными от физических основаниями. Но это не изменит первичной природы сущего. Показывается, что человек может лишь привнести в физический мир ценность, заставить думать, что она всегда была, есть и будет. Но это уже мировоззренческий поворот, выводящий за пределы науки.

В этом же фрагменте исследования подчеркивается невозможность метафизического преодоления панаксиологизма. Так, если собственно аксиолог М. Шелер привносит онтологию в мир ценностей, структурируя его порядком любви и ненависти, то М. Хайдеггер говорит об аксиологической предзаданности сущего. Метафизическая установка, погружение оценивания в поле бытия, а только потом – сущего, неизбежно будет онтологизировать ценности, т.к. бытие полагает собой все, что только может быть, в том числе и ценность. Поэтому на уровне сущего мы получаем вещи, уже имевшие статус ценных в бытии, и первичная критика ценности как первично положенного теряет свой пафос.

Пункт 4.2.2. «Валюативная реинтерпретация социологии религии М. Вебера» диссертант конструирует валюативную матрицу религиозного осмысления мира как центрированную на ценности спасения от физической смерти и, следовательно, – обретения бессмертия в каких-то нефизических формах. Остальные идентификаторы валюатива определяются как способствующие достижению этой ценности, как ее воплощения и т.п. То, что обычно связывают с этикой протестантизма или органической социальной этикой, отнесено в настоящем исследовании к нормативной и идеологической нишам валюативной модели религиозного сознания как сознания коллективного. Подчеркивается при этом, что религиозный валюатив, в большинстве случаев, стремится стать заметным миру, пусть даже и в рамках сосуществования в социальных структурах, событиях, мероприятиях с другими конфессиями, как это можно наблюдать сегодня в поликонфессиональных обществах. Более того, он рвется в мир в стремлении занять зону господства другого валюатива. Основная валюативная задача религии – разработать «единое видение жизни» (по выражению Вебера). Результатом должна стать религиозная община – объединение людей, служащее только религиозным целям. Сколь бы тонкими и, порой, конструктивными, не были компромиссы религий в отношении мира, внутренне они всегда представляют собой отрицание и мира, и других конфессий: валюатив любой религии агрессивен в отношении всего, что ему не принадлежит. Увидеть это в синхроническом срезе явно позволяет предложенная валюативная матрица, сквозь ячейки которой как бы «проступают» определяющие черты того или иного социального института. Применение валюативного подхода к анализу религиозного поведения позволило существенно уточнить мотивацию такого поведения с точки зрения обобщения веберовского понятия ценностно-рационального действия до действия валюативно-рационального. Последнее обстоятельство проявляет также и частные, прикладные аспекты валюативного анализа. Например, валюативная матрица является эффективной будучи примененной к аналитике межконфессиональных конфликтов. На уровне валюативов разных конфессий никакие компромиссы невозможны: спасение даруют разные боги; разные герои, и всегда никакие иные, а только провозглашенные, воплощают понятие божества и т.д. Как возможен диалог между христианином и иудеем, когда оба будут выступать в качестве лишь субъектов соответствующих валюативов, если тот, кто бог в одном – лжепропок в другом? Поликонфессиональное государство, чтобы избежать межконфессиональных конфликтов, должно быть светским. Признание приверженности религии действительным духовным ценностям должно сопровождаться признанием факта их присутствия и в светском мире. Диалог в обществе будет возможен в условиях выхода за рамки религиозного валюатива в сферу более общего валюатива, например, светской государственной общности.

В **Заключении** определяется место генерализирующего освоения интерпретационных ресурсов коллективного (или социального) сознания.

Подчеркивается, что интерпретационные средства индивидуального, а тем более коллективного сознания разбросаны в поле активности сознания в разных местах и вступают в интерпретационные процессы ситуативно, от раза к разу, от события к событию или событиям. В стихийно сформировавшемся сознании это, несомненно, так. Есть некоторые константы работающей части интерпретационного ресурса, но они не охватывают его целиком. Когда говорится, что все сознание имеет функциональное содержание с интерпретационным разделом и т.д., имеется в виду сознание как некий идеализированный объект анализа. Проблема возникает уже на уровне того, чтобы собрать хотя бы основные части, детали интерпретационного ресурса где-нибудь в одном месте, на одной площадке, затем исследовать в таком локализованном виде, узнать, какими бывают эти интерпретационные средства. Отмечается, что проблемой более высокого порядка является сборка из этих извлеченных фрагментов интерпретационного поля в качестве скрываемых, неудобных переживаний, надежд, представлений о счастье и т.д., входящих в некую бриколажную конструкцию, центрирующую, осуществляющую специализированно интерпретационные обязательства. Диссертантом предложена такая конструкция, которую он назвал валюативом. В поисках интерпретационного центра социальной субъективности участвовали выдающиеся социальные мыслители, наследие которых сегодня переживает ренессанс в связи с акцентуацией значимости и потенциала интерпретационных практик коллективного сознания в современной общественной жизни. Настоящая работа является обобщающим шагом на пути к раскрытию мощнейшего потенциала коллективных интерпретаций, используемого как во благо человечества, так и во зло. Валюатив, таким образом, эксплицируем, он легко встраивается в операциональную работу социального сознания независимо от масштаба сообщества. Он включает в себя персонифицирующую дугу, маркированную героями, мучениками изнутри валюатива и врагами, противостоящими им с внешней стороны границы валюатива; нормы; ценности; формы репрезентации валюатива, в том числе – язык валюатива и его идеологию.

Валюатив, являясь моделью интерпретационной активности сознания, которую удобно задавать в виде матрицы, имеет потенциал внутреннего, фиксированного моделирования, осуществляемого на основе центрации валюативной модели на какой-то из строчек валюативной матрицы. Так, в данной работе сконструирована панаксиологическая модель, характеризующая религиозное коллективное сознание как валюатив с ценностью вечной жизни души и героцентристская – на базе валюатива сверхчеловека. В связи с обнаружением возможности внутреннего моделирования валюатива удалось выявить границы аксиологического подхода к социальной интерпретации: ценности есть не единственная и не всегда основная форма интерпретационной активности сознания. Диссертант обосновывает возможность построения валюативных моделей, центрированных не ценностно и не сводимых к панаксиологическим. Примером служит валюатив сверхчеловека, бесспорно,

центрированный на герое. Построенная героцентристская модель позволяет эксплицировать роль героя в сообществе с общими правилами интерпретации, он показывает, как жить, любить, ненавидеть в валюативе, как умирать за него и как обрести бессмертие. Валюативная матрица, следовательно, задана и описана, она конкретизирована относительно разных форм внутреннего моделирования валюатива.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендуемых ВАК

1. Коротченко Ю.М. Модели коммуникации в открытом обществе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия». 2004. Том 17 (56). №2. С. 145 – 151.
2. Коротченко Ю.М. Семантическая квазиреальность культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия». «Социология». 2006. Том 19 (58), №2. С. 52 – 60.
3. Коротченко Ю.М. Онтология У. ван О. Куайна: от тел к классам // Культура народов Причерноморья. 2007. №106. 271-274.
4. Коротченко Ю.М. Логический стандарт оценочных рассуждений // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Социология». Симферополь, 2008. Т. 21 (60). №4. С. 173-177.
5. Коротченко Ю.М. Некоторые прикладные аспекты логики (на примере оценочных высказываний) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Социология». Симферополь, 2008. Т. 21 (60). №3. С. 219-222.
6. Коротченко Ю.М. Об оценочной специфике ложных сообщений // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия. Социология. Политология. Культурология». 2009. Т. 22 (61). № 2. С. 15 – 20.
7. Коротченко Ю.М. Об оценочной доминанте идеологических высказываний // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Социология». Симферополь, 2010. Т. 23 (62). №4. С. 15 – 20.
8. Коротченко Ю.М. Валюатив: опыт структурного определения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия». «Культурология». «Политология». «Социология». 2011. Том 24 (63), № 3-4. С. 35–45.
9. Коротченко Ю.М. Некоторые вопросы современной теории оценочных суждений // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). 2011. № 1. С. 229 – 236.

- 10.Коротченко Ю.М. О валютативном аспекте социального // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. Серия: «Теория культуры и философия науки». 2012. № 995. С. 27 – 31.
- 11.Коротченко Ю.М. Аналітика оцінних текстів як дослідницький проект // Філософська думка. Український науково-теоретичний часопис. Аналітична філософія: український досвід. 2012. № 3. С. 94 – 102.
- 12.Коротченко Ю.М. Интегративная роль валютатива (по концепции Т. Парсонса) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 4. С. 19–26.
- 13.Коротченко Ю.М. Валютативное содержание концепта «герой» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Социология». 2013. Т. 26 (65). №4. С. 215 – 224.
- 14.Коротченко Ю.М. Валютативное моделирование коллективного сознания // Философия науки и техники. 2016. № 1. С. 152 – 168.
- 15.Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М. Текстовая компонента в современных социально-философских исследованиях // Философская мысль. 2016. № 11. С. 1 – 10.
- 16.Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М. Текстовый подход в социальной философии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 153–170.
- 17.Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М., Шапиро О.А. Политические ток-шоу: цели, аргументация, смысл // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). №3. С. 42 – 52.

Другие публикации автора

Тезисы

1. Коротченко Ю.М. Социальный модус оценочной реальности // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Сборник трудов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2013. С. 356 – 358.
2. Коротченко Ю.М. Валютативная матрица интернет-идентичности. // Тезисы докладов участников Международной мультидисциплинарной телеконференции «На пути к интегрированному пониманию идентичности пользователя в киберпространстве Интернета: мультидисциплинарный диалог». 12 июля 2013 г., гг. Варшава, Лодзь, Лейпциг, Симферополь: .Режим доступа: <http://www.al.uw.edu.pl/pliki/akt/Abstracts.pdf>
3. Коротченко Ю. М. Валютативная аналитика идентичности // Этничность и власть: коллективная память и технологии

- конструирования идентичности. Материалы XI Международного семинара, 15 – 25 мая 2012 г., г. Ялта. Севастополь: Вебер, 2013. С. 175 – 177.
4. Коротченко Ю.М. Язык в интерпретационной активности коллективного сознания // История философии: история или философия? Алешинские чтения 2015. Мат-лы Междунар. конф. 10-11 декабря, г. Москва. М.: РГГУ, 2015. С. 238 – 241.
 5. Коротченко Ю. М. Валюативные основания межкультурного диалога // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 98 – 100.
 6. Коротченко Ю.М., Рыскельдиева Л.Т. Текстовая культура как предмет философского интереса //Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7–9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т.А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С.384 – 393.
 7. Коротченко Ю.М. О валюативной модели коллективного сознания // Тезисы докладов. Способы мысли, пути говорения VII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ 27 – 30 апреля 2016 года. Режим доступа: <https://phil.hse.ru/plc/ways2016>.
 8. Коротченко Ю.М. Валюативная автономность элитарного сознания // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: материалы Международного конгресса. 19–22 апреля 2017 г. / сост. П.Л. Карабущенко; под ред. проф. А. П. Лунева и проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2017. С. 277 – 279.
 9. Коротченко Ю.М. Валюативный потенциал концепта “враг” // Философский текст в современной текстовой культуре. XIV Таврические философские Чтения “Анахарсис”. 18 – 20 сентября 2018 г., пос. Новый Свет. Материалы всероссийской конференции. С.222 – 224.

Монографии

1. Коротченко Ю.М. Валюативные модели социального: герои и ценности. М.: ИНФРА – М, Вузовский учебник, 2018. 153 с. (Научная книга).

Коллективные монографии

1. Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М., Шапиро О.А., Зарапин О.В. Текст и коммуникация. М.: Вузовский учебник, ИНФРА – М, 2018. (Научная книга).

